

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОЛ КАК ЕДИНСТВО И ОППОЗИЦИЯ ДУХОВНОГО И ТЕЛЕСНОГО СОЦИАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В данной статье рассматривается аспект проблемы соотношения духовного и телесного в человеке. Человек не может быть абстрактной идеей, и половые отношения сегодня трансформировались из разряда собственно половой и сексуальной сферы жизнедеятельности в разряд отношений, характеризующих личность. В современном обществе рождаются основы новой гуманистической половой культуры.

Современный кризис в России охватил практически все области человеческого существования, в том числе и половую сферу. Кризисные явления (в экономике, духе, культуре и нравственности) неразрешимы только на политической стезе. Должны приниматься в расчет и другие стороны бытия. Невозможно возродить страну одними политико-экономическими методами без преобразования более глубинного слоя национальной души, отвечающего за внутреннее, сущностное общение между полами.

Истинный человек только и проявляется в очевидности глубины своего духа. «Все те, – пишет Менегетти, – кого человечество признает своими учителями, отличались глубиной собственной души»¹.

Именно такая постановка, увязывающая сущность полового чувства со стремлением человека обрести целостность на всех планах и уровнях своего бытия, является творчески продуктивной. Ведь существует по меньшей мере три уровня проявления пола: телесный, душевный и духовный. Ни теория удовольствия, ни концепция деторождения, ни доктрина платонической природы не в состоянии исчерпать сущности пола. Именно по состоянию половой морали, характерной для тех или иных культур и общественных отношений, можно судить о состоянии общества в целом. Процесс вырождения многих государств и крушения некогда великих империй во многом был обусловлен деградацией и десакрализацией половой сферы. Народ, избравший путь абсолютно бесконтрольной гонки за удовольствиями, отказавшись от принципа самоконтроля, в конечном счете достигает снижения духа пассионарно.

В то же время полное пренебрежение принципом счастья как сконцентрированным выражением стремления человека к полнокровной, многогранной и плодотворной для него жизни оборачивалось преступной подменой любви этикой холодного долга, обернувшейся не только равнодушием, но и ненавистью к тем, кто не был склонен слепо уверовать в «любовь к дальнему».

В действительности тело человека принадлежит его сущности так же, как духовная и душевная организация. Об этом размышляли Ф.В.И. Шеллинг, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, Л. Фейербах и К. Маркс. Бытие человека есть в первую очередь его чувственное бытие, а не логическое.

Человек не только мыслит, но и переживает, стремится к чему-то, страдает о чем-то. Человек не может быть абстрактной идеей, и всякие рассуждения о конкретности вне человека просто абсурдны.

Человек, в отличие от животного, приподнимает род на большую высоту. Сохраняющиеся и воспроизводящиеся способы адаптивной деятельности могут действовать сколь угодно долго, не неся в себе при этом никакой тенденции опрокинуть природный барьер. Только трансцендирование за пределы природного приводит к возникновению социального в самых разнообразных его модификациях.

Современная природа стала для человека не просто человеческой, говоря словами Ф. Ницше, а «слишком человеческой». Некоторые авторитетные авторы (например, Мишель Фуко) сегодня показывают, что половые отношения трансформировались из разряда собственно половой, сексуальной

¹ Менегетти А. Мотивация комплекса взаимосвязи «мужчина- женщина» // Онтопсихология. - С.-Петербург, 1996. - С. 12.

сферы жизнедеятельности в разряд отношений, характеризующих и формирующих личность, т.е. как природа стала превращаться в продукт общественного развития и в зависимости от пола стала определяться возможность или невозможность человеческого существования вообще, существующие формы возрастающей дифференциации, в которых люди реагируют на действительность, актуализируют необходимость выработки способов деятельности, помогающих им поддерживать самих себя. Хотя это в известном отношении и шаг назад, т.е. к тому состоянию, которое имеет место на органическом уровне бытия, тем не менее тенденция к внутреннему единству в реакциях на внешний мир, закрепленная даже в заведомо ложных формах осознания действительности, может стать подлинной силой, выводящей общество из состояния кризиса.

Без стремления человека к единству со своим полом, телом, всей духовной конституцией вряд ли можно было бы достичь хоть какого-то удовлетворительного образа жизни. «Вся наша жизнь, прошедшая, настоящая и будущая, – писал В.С. Соловьев, – есть в каждом своем данном состоянии фактический компромисс между осуществляющимся в мире высшем идеальным началом и тою материальной, несоответствующую ему средою, в которой оно осуществляется»².

Таким образом, оппозиция духовного и телесного в постановке проблемы пола не должна быть чрезмерной. И тело, и дух в одинаковой мере загадочны и не исчерпываются отношением господства и подчинения.

Любое чужое тело выступает для каждого предметом внешнего созерцания, как и всякое иное материальное тело. Тем не менее, особенность такого созерцания заключается в том, что собственное «тело никогда не является предметом созерцания, ни внутреннего, ни внешнего, а только предметом мышления». Можно действительно лишь мыслить себя целиком, т.е. свое тело, но не воспринимать его целиком посредством внешнего чувства осязания. Там можно созерцать не наше тело, а только его образ.

Следовательно, созерцание или мышление связано исключительно с фактом существования другого «я», с томлением и влечением к этому другому, иному. Самосозерцание есть только признание того, что это другое скрыто присутствует в нас.

Ни мужчина, ни женщина, таким образом, не могут созерцать самих себя; они могут только созерцать иное, поскольку это иное и есть единство телесного и духовного, материального и идеального. Пол человека, как видим, раскрывается в этом неустанном стремлении к другому. Он не пребывает в этом смысле ни в теле, ни в духе, ни в объекте, ни в субъекте, а представляет собой своего рода «виртуальную реальность», которая, обладая статусом объективного существования, однако никогда и ни при каких условиях не поддается прямому наблюдению.

Прав Н.А. Бердяев, утверждавший, что «пол есть стихия, разлитая во всем существе человека, а не дифференцированная его функция»³.

Итак, человек должен наконец серьезно отнестись к полу как к источнику своей жизни. Пол присутствует и в теле, и в душе. Поэтому вне пола нет человека как единства душевного и телесного. Тело как бы имеет отношение с двумя абсолютно разными пространствами. Во-первых, со всем тем, чем оно само является. Во-вторых, с некоторой модификацией пространства во втором смысле, которое не ограничивается местом тела, а является постоянно меняющейся величиной, расширяющейся и сужающейся. В своих крайних пределах тело может постоянно утесняться в сторону небытия.

Причем речь здесь идет не только о смерти как пределе небытийственности тела (напротив, смерть представляет телу определенный минимум пространства). Отсюда возрастает актуальность одухотворенности любви как мощнейшего инструмента преобразования человеческой личности, поскольку он предполагает участие человека противоположного пола и тем самым включает в себя момент трансцендирования за пределы той или иной телесной или духовной организации.

² Соловьев В. Об упадке средневекового мирозерцания. Соч. в 2-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1998. – С. 34.

³ Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М., 1989. С. 62.

В настоящее время, когда в стране развертываются острейшие споры о путях гуманизации жизни, мало кто из обществоведов связывает демократизацию социальных, политических, экономических отношений с половыми и семейными отношениями. В изучении полового вопроса наблюдается стремление избавиться от наслоения экономического детерминизма, преодолеть ограниченность классового подхода. Поэтому можно согласиться с мнением И.С. Андреевой, которая пишет следующее: «Бессмысленно спорить о первенстве того или иного пола; гораздо важнее на основании научных данных трезво обсудить возможности обоих полов с учетом специфических особенностей человеческой природы, остерегаясь при этом крайностей биологической или исключительно культурной детерминации»⁴.

Природа, подчинившая себе дух, не может реализовать своих творческих потенций. Поэтому в мире всегда будут наличествовать два начала, ибо пол, как неразрывное единство духовного и телесного, образует нечто целостное. Назначение Диониса состоит не в том, чтобы опровергнуть целостность человека пола (мужчины или женщины), а в том, чтобы этого человека пола постепенно привести к сознанию целостного существа. Другими словами, по пути духовного мужчины и женщины – не половинки, ищущие для восстановления целостности другой своей половины, не то, что начинает «отыматься от вечности», как писал Н. Бердяев, а именно человек, как «существо цельное, целомудренное, премудрое и софийное». Понятно, что это недостижимый идеал, высшая цель человеческого развития.

Однако цель также выступает в качестве одной из причин или начал движения (об этом писал Аристотель), в данном случае движения по пути духовного и социального прогресса, по пути разума. И хотя всех возможностей разума мы не можем осмыслить, т.е. «не можем понять, каким образом то, что должно быть, но еще не случилось, может определять деятельность и быть причиной

деяний»⁵, тем не менее, мы всеми силами должны стремиться к этому идеалу человечности. В этом движении – вся сущность человека как абсолютного единства телесного, душевного и духовного «Я». Практически это означает лишь следующее: человек есть незавершенное существо, его сотворение продолжается, совершенствуется его телесная и духовная организация. Дух сегодня в большей, чем когда бы то ни было, мере воздействует на тело, формирует, обрабатывает его, усиливает внутреннюю и внешнюю дифференциацию его органов.

Сущностный характер пола отсюда и проявляется прежде всего в теле, преображенном духовностью, в плоти, пронизанной духом. Но вместе с тем, если мы обратимся к реальной повседневной религиозной практике, то, как справедливо замечает А.Я. Гуревич, «увидим не только и, может быть, даже не столько одушевление материального начала, сколько своего рода наивный натурализм или «материализм», который размывает или затемняет, казалось бы, четкие границы между явлениями спиритуального и вещественного порядка»⁶, то есть это есть та самая же оппозиция духовного и телесного. Отличие только в том, что душевное здесь полностью растворилось в телесном. Идея человеческого тела не сводится ни к слиянию, ни к противопоставлению душевного и телесного. Одушевление материального мира имеет своим началом отелеснивание всего духовного, что приводит в свою очередь к спиритуализации телесного, к превращению мифа из формы сознания в форму бытия, т.е. к бытийствованию мифологического элемента. В мифе, как тождестве бытия и сознания, природы и духа, утрачивается пол, индивидуальность и свобода. Пол человека, его половая привлекательность и красота основываются на отношении взаимоопределения духа и тела, но данное взаимоопределение распалось бы, если бы в качестве объединяющей оба его момента основы не выступала свободная деятельность. Процесс одухотворения телесного и связанная с ним культура

⁴ Андреева И.С. Социально-философские проблемы пола, брака и семьи // Вопросы философии, №1, 1980. - С. 136.

⁵ Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. - М., 1993. - С. 145.

⁶ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. - С. 242.

пола зависит прежде всего от развития свободы, и причем не только духовной. Молодой К. Маркс рассуждал вполне правильно, когда писал, что к «свободе относится не только то, чем я живу (т. е. мои планы, мечты, духовные потенции и стремления), но также и то, как я живу»⁷.

Духовная близость есть важное условие возникновения брака. Фихте и Гегель подчеркивали значение духовного единения супругов, ведь материальное и физическое представляет собой нечто конечное и преходящее. Лишь дух бесконечен, т.к. он есть вечное творчество, в результате которого только и может реализовываться свобода.

Понятно, что трактовка брака как естественного и нравственного союза представляет собой идеал. В реальной жизни часто обстоит все по-другому. Люди, вступившие в брак, лишь потом обнаруживают тщетность своих стремлений. Поэтому они заранее должны договориться о разделе имущества, воспитании детей и т.п. вещах. Возникновение института права означало коренной переворот в истории человечества. Люди должны были научиться регулировать или ограничивать свою свободу, чтобы позволить осуществиться свободе другого. Однако чисто правовое регулирование не дает счастья. Человек искал и всегда будет искать свой идеал, несмотря ни на какие правовые и нравственные запреты. Это имел в виду Фихте, когда в «Наставлении к блаженной жизни», отстаивая критическое отношение к кантовской этике холодного долга, стремился к преодолению не только нравственной, но и религиозной точки зрения. По его мнению, это возможно лишь в «наукоучении» или в знании о вечном.

Знание Фихте рассматривает как «бытие свободы», т.е. как духовную жизнь, жизнь в духе, а не подчинение духу. В данном отношении стихия пола должна быть преодолена в абсолютном предназначении каждого индивидуума реализовать единство духовного и телесного, которое достигается в браке. «Физический человек, – полагает он, – так

же, как и человек моральный, – это не есть мужчина или женщина, но есть их единство»⁸. Пол, как видим, здесь не является важнейшим проявлением индивидуальности, его свободы. Фихте, следовательно, как и Бердяев, отказывает человеку пола в целостности. Но и противоречит самому себе, когда, с одной стороны, как будто бы признает независимость должествования любви от свободы (нельзя сказать: «ты должна любить» и «ты должен быть любимым и любить в свою очередь»), а с другой – утверждает, что от «нашего знания не может зависеть наше решение остаться вне брака».

Ясно продуманное решение никогда не вступать в брак абсолютно противоречит долгу. Это противоречие состоит в том, что «знание» есть одновременно и «бытие свободы и сознания необходимости», т. е., в данном случае, необходимость вступить в брак. «Не состоящее в браке лицо – человек лишь наполовину»⁹, – заключает он.

Так, абсолютизация идеи единства духовного и телесного оборачивается полным нивелированием значения пола и человеческой индивидуальности. Физическое тело в таком случае рассматривается лишь как форма существования духовного «Я», как проекция моральных принципов на жизнь человека и социума. В то же время само человеческое тело мыслится исключительно как орудие нравственной воли.

Рассмотрение человеческого пола с точки зрения единства и оппозиции духовного и телесного предполагает и социальную характеристику, раскрытие человеческой сущности во всем ансамбле общественных отношений, в которых он проявляется.

Первой «скрипкой» этого ансамбля является отношение мужчины к женщине, как самое непосредственное, естественное и необходимое отношение человека к человеку. Сегодня, когда подверглись опасности уничтожения сами основы человеческого существования, эта мысль становится особенно актуальной. Человек, раздвинув границы покорения природы, зашел слишком далеко.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 1 – С. 68.

⁸ Фихте И.Г. Факты сознания. С. 8.

⁹ Там же. С. 140.

В погоне за острыми впечатлениями и переживаниями опрокидываются и отрицаются любые границы, запреты и тайны, т. е. уродуется сама культурная основа пола и любви. Пол и тело человека наряду с нравственностью, семьей, личностью, являясь универсалиями, определившими развитие человеческого духа и культуры, оказались существенно трансформированными и элиминированными. Успехи, достигнутые в генной инженерии, эксперименты в области пола и секса, эксперименты с психикой при всем их положительном значении для прогресса приводят, тем не менее, к разрушению универсалий, что чревато гибелью духовности и цивилизации. Уничтожению подвергается духовное родовое достояние человека, его интимный мир. Разрушение же интимности (ее инструментализация) уничтожает семью как место релаксации, как убежище от давления внешнего мира.

Сексуальная революция (данное понятие стало распространенным уже к середине 60-х годов), теоретически выраженная в идее Г. Маркузе о человеческом теле как инструменте не только труда, сколько удовольствия, захватила не только сферу добрачных и внебрачных связей, но и семью. Возникла переоценка секса.

Последний стал рассматриваться в качестве средства, стабилизирующего брачные отношения. Он перестал быть целью самой в себе, что так сближало его в прошлом с любовью. «Любой конфликт в браке, – пишет И.С. Андреева, – стал оцениваться исключительно с точки зрения адекватности супружеских интимных отношений, что совершенно не правомерно, поскольку брак имеет гораздо больший диапазон значений, чем просто половые отношения»¹⁰. К этому добавляются другие немаловажные факторы, в том числе и социального плана. Современный мужчина в России, неспособный содержать семью и растерявшийся под натиском различных сексуальных раздражителей, часто оказывается пассивным перед стремлением женщины самой получить наслаждение. Все это является серьезным испытанием му-

жественности мужчин и женственности женщин. По мнению голландского социолога Г. Коои, в настоящее время совершается своеобразная феминизация мужчины и, наоборот, «маскулинизация женщины»¹⁰.

Действительно, за последнее столетие социальные роли женщины претерпели достаточно серьезные изменения. В России, в развитых странах Западной Европы и США женщины получили доступ к таким социальным сферам, как образование, политика, бизнес. Эти перемены свидетельствуют о расширении границ традиционных ролей, связанных с внутренней сферой – домашним бытом и воспитанием детей. Произошел также и выход женщины во внешнюю среду деятельности, в общественно-политическую жизнь. И тем не менее, при всей важности анализа мира интимных переживаний в вопросах пола, необходимо отметить, что частные проблемы семьи, брака или полового поведения никаким образом не следует распространять на все общественные отношения. Теоретики феминизма, прорицавшие наступление эры «феминизированного общества», исходили из идеи отождествления общественных конфликтов с конфронтацией между полами. В связи с этим прокатившаяся на Западе в конце 60-х – начале 70-х годов мощная волна женского движения дала толчок исследованиям, которые называются гендерными.

Слово «гендерный» предполагает рассмотрение не опыта пола, но опыта рода, соотнесенного с культурно-психологическими характеристиками, зачастую совпадающими с их культургенетической интерпретацией. Другими словами, гендер – это социокультурный пол или «род», т. е. нечто почитаемое, благословенное, культурное, динамическое. Вероятнее всего, «гендер» включает в себя целый комплекс понятий. Сложность его определения состоит в том, что здесь прослеживается взаимосвязь действия и мышления, которые не могут быть разъединены. Мы имеем дело с динамизмом, окончательно неопределенным, ибо само определение есть действие, влекущее серьезные по-

¹⁰ Андреева И.С. Социально-философские проблемы пола, брака и семьи // Вопросы философии, №1, 1980. – С. 139.

следствия. Однако в любом случае необходимо подчеркнуть, что сознание половой тождественности и различий – элементарный и в то же время глубинный процесс самосознания. И.С. Кон в связи с этим указывает на то, что «сознание своей половой принадлежности во всех возрастах – один из наиболее важных и устойчивых элементов самосознания... половая идентификация – своеобразный стержень целой системы самооценок»¹².

Равноправие полов в России стало частью политической стратегии государства. Не женщины искали оптимальные решения проблем, а партия и правительство. Лишь в период перестройки обнажилась вся степень недовольства, социальной усталости, которые испытывала «советская женщина».

Изменение постсоветского общества с конца 80-х годов повлекло за собой и трансформацию гендерных отношений: государство утрачивает роль монопольного агента, формирующего гендерный контракт, частично разрушается система социальной и идеологической поддержки материнства. Журналы и телепередачи обратились вновь к так называемому женственному началу и к женщине, к ее функциям ведения домашнего хозяйства и воспитания детей.

Официальный образ работающей матери стал основанием для формирования образов работающей матери, карьерно ориентированной (профессиональной) женщины, матери-домохозяйки и женщины на содержании. Теневые образцы потребления и либеральной сексуальности сформировали идеологию домохозяйки, а также ее более современную версию спонсируемой женщины. Эти гендерные образы современной России не являются жестко фиксированными или ис-

ключающими друг друга. Можно предположить, что образ «работающая мать» стабилизируется в семьях с низким доходом, в таких семьях происходит маргинализация мужчин, неспособных обеспечивать семью. В высших классах часто встречается образ жены-домохозяйки и мужа-кормильца, хотя он тоже распространен в некоторых рабочих средах. Успешная в профессии женщина с позиции работающей матери может перейти на позицию карьерно ориентированной женщины, для которой на первом плане оказываются интересы профессиональной самореализации. Женщина из домашнего существа становится общественным. Все ее жизненные функции меняются. Она становится такой же личностью, как и мужчина. Сегодня мужевластие постепенно угасает. «На смену ему, – пишет Ю.Б. Рюриков, – идет новое состояние мира: его можно, видимо, назвать биархат – главенство обоих полов (от латинского «би» – два и греческого «архе» – главенство, начало, власть)»¹³.

Такие кардинальные перемены ведут к усилению женского элемента в культуре, рождают новую «андрогинскую культуру» – союз всего лучшего в мужском и женском отношении к миру.

Гуманистическая оптимальная свобода имеет много слагаемых – социальных, духовных, психологических, биологических. Они выстраиваются в сложную лестницу. Ее ступени – свобода от неравенства женщин; свобода от материального ига в любви, от древних предрассудков и тиранических запретов; свобода от невежества и незнания.

Все эти свободы – основа той гуманистической половой культуры, которая только начинает рождаться.

¹¹ Коои Г. Мужественность и женственность // Изменение положения женщины и семья. – М., 1977. – С. 170-171.

¹² Кон И.С. Открытие «Я». – М., 1978. – С. 60.

¹³ Рюриков Ю.Б. Любовь, ее настоящее и будущее // Философия любви. Ч. 1. – С. 268.